

ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОЧНИКОВ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

«ЗАВЕЩАНИЕ ГИТЛЕРА» И СОВРЕМЕННЫЕ НАСЛЕДНИКИ ФЮРЕРА

А. С. Гроссман

(ОКОНЧАНИЕ *)

В беседах с Борманом Гитлер упорно повторял тезис о мнимом миролюбии Германии по отношению к Англии, о «единстве» англо-германских интересов и о том, что союзу Германии и Англии помешало лишь одно — политика английского руководства, которое не оценило «англофильство» фашистской Германии. 4 февраля 1945 г. Гитлер говорил: «Цель моих попыток договориться с Англией заключалась в том, чтобы избежать возникновения непоправимого положения на Западе. Позднее, когда я нанес удар на Восток... я надеялся тем самым высечь искру здравого смысла в умах политиков западных держав. ...Но ненависть этих лицемеров к человеку доброй воли сильнее, чем инстинкт самосохранения... Английские руководители предпочитают погибнуть, бездействуя, но не допустить к себе национал-социализм... При желании Британия могла бы положить конец войне в начале 1941 года. В небе над Лондоном нация продемонстрировала миру волю к сопротивлению, и она могла записать в своей актив унизительные поражения, которые потерпели от англичан итальянцы в Северной Африке. Англичанин, верный своим традициям, пошел бы на мир. Но евреи не хотели и слышать об этом, а их лакеи Черчилль и Рузвельт оказались тут как тут, чтобы не допустить мирного исхода. Заключение мира тогда позволило бы нам предотвратить вмешательство американцев в европейские дела. Под водительством рейха Европа была бы быстро объединена... Франция и Италия, потерпевшие поочередно поражение с интервалом всего в несколько месяцев от двух германских держав... должны были бы отказаться от своих неуместных претензий на величие. В то же время они должны были бы отказаться от своих претензий на Северную Африку и Ближний Восток... Что касается Англии, то, освободившись от своих забот в Европе, она смогла бы посвятить себя благополучию собственной империи. И, наконец, Германия, обеспечив свой тыл, могла бы телом и душой посвятить себя цели всей моей жизни, *raison d'être* национал-социализма — уничтожению большевизма. Это повлекло бы за собой завоевание обширных территорий на Востоке, а они, в свою очередь, обеспечили бы в будущем благополучие немецкого народа.

Законы природы следуют логике, которая вовсе не обязательно соответствует нашим представлениям о логике. Мы были готовы бросить наши силы на чашу весов в интересах сохранения Британской империи, и это в то время, прошу обратить внимание, когда я лично испытывал больше симпатий к самому жалкому индусу, чем к любому из этих высокомерных островитян. Впоследствии немцы будут испытывать удовлетворение, ибо они не сделали ничего для сохранения устаревшего положения дел, в противном случае будущему миру было бы трудно простить их. Мы можем с уверенностью предсказать: каков бы ни был исход войны, Британской империи пришел конец. Она смертельно ранена. Будущее английского народа — вымереть от голода и туберкулеза на своем проклятом острове.

* Начало см. «Вопросы истории», 1965, № 9.

Британское упрямство и отчаянное сопротивление рейха не имеют ничего общего. Во-первых, Англия имела свободу выбора и ничто не принуждало ее воевать. Однако она не только начала войну, но, по существу, спровоцировала ее. Мне едва ли стоит напоминать, что поляки, если бы их не подталкивали английские и французские поджигатели войны... никогда по доброй воле не пошли бы на самоубийство. Но даже в этих условиях, даже совершив свою первоначальную ошибку, Англия могла бы вытащить свои каштаны из огня либо после ликвидации Польши, либо после поражения Франции. Конечно, для нее это не было бы слишком почетно, однако в вопросах такого рода английское чувство чести не очень развито. Ей нужно было бы сделать лишь одно — возложить вину за свое дезертирство на плечи своих бывших союзников, как поступила Франция в отношении Бельгии в 1940 году. Больше того, мы бы помогли Англии спасти свое лицо. В начале 1941 г., после того как успехи в Северной Африке восстановили ее престиж, Англия имела еще более благоприятную возможность выйти из игры и заключить с нами мир на основе переговоров».

Гитлер беззастенчиво лгал, когда он утверждал, что хотел мира с Англией. На совещании высшего германского генералитета 23 мая 1939 г., как это явствует из протокола заседания, Гитлер высказал следующие соображения: «Мы должны подготовиться к военным действиям. Англия видит в нашем развитии основу гегемонии, которая ослабит ее. Поэтому Англия — наш враг, и вооруженный конфликт с ней явится борьбой не на жизнь, а на смерть!» 22 августа 1939 г. Гитлер еще раз подчеркнул: «Каждый должен иметь в виду, что мы с самого начала преисполнены решимости сражаться против западных держав. Борьба не на жизнь, а на смерть»¹.

Однако, как это ни странно, до сих пор находятся буржуазные историки, причем не только западногерманские, но и английские (например, А. Тейлор), которые пытаются доказывать, что Гитлер был англофилом, что он всегда стремился к прочному и длительному союзу с Англией в целях совместного раздела мира и даже считал сохранение Британской империи необходимым в германских интересах. Когда же Англия вопреки ожиданиям Гитлера вступила в войну против Германии, он, согласно этой теории, только угрожал вторжением на ее территорию, а всерьез и не думал об этом, так как боялся английского флота и считал невозможным справиться с английской авиацией.

Многочисленные факты, а также документы опровергают этот тезис. На основании «Приказа об организации и функциях военной администрации в Англии» от 9 сентября 1940 г., подписанного Браухичем, после успешного окончания операции «Морской лев», то есть после оккупации вермахтом Англии, из страны предполагалось депортировать почти всех взрослых мужчин (тем самым фашисты надеялись предотвратить возможность партизанского движения); Гитлер намеревался также назначить в Англии наместника — рейхскомиссара, ответственного за поддержание «нового порядка» (называлась кандидатура Риббентропа, известного англофоба); был тщательно подготовлен план разграбления страны². Так на деле выглядело «англофильство» Гитлера.

После поражения Германии в первой мировой войне побежденные германские милитаристы и реакционные идеологи создали легенду об «ударе в спину», который якобы был нанесен «непобежденной» германской армии революционным движением, германским рабочим классом. Легенда эта была использована для шовинистической пропаганды против молодой Компартии Германии и Советской России, а также в целях возрождения германской армии и идеологической подготовки немецкого народа к следующей войне. В «завещании Гитлера» мы встречаемся со своеобразной модификацией этой легенды — правда, на этот раз, в период второй мировой войны, «удар в спину» Германии нанесла, оказывается... ее союзница Италия! Битые германские генералы до сих пор вслед за Гитлером твердят о том, что решающую роль в поражении Германии сыграла ее ошибочная союзническая, «коалиционная» политика. С. Вестфаль, например, пишет: «Это старый закон коалиционной войны — слабый союзник в длительной войне часто больше означает колодку на ногах, чем реальную помощь»³. Отсюда

¹ «Нюрнбергский процесс». Т. I. М. 1957, стр. 622, 631.

² См. А. Леонидов. Судьба, которая готовилась Англии. «Международная жизнь», 1960, № 4, стр. 91, 93, 95.

³ S. Westphal. Heer in Fesseln. Bonn. 1950, S. 333—334.

вывод: в поражении виновата не фашистская Германия, а ее плохие союзники. Поэтому Гитлер обрушивался в «завещании» на Италию. Обвиняя Италию в измене, он утверждал, что якобы всегда был против ее участия в войне.

Известно, что германский и итальянский агрессоры совместно готовились к мировой войне и также совместно в ней участвовали. Об этом красноречиво говорят факты из истории предвоенного и военного времени: германо-итальянская интервенция в Испании в 1936—1939 гг., захват Италией в апреле 1939 г. Албании с молчаливого одобрения Германии, военный и политический союз между Германией и Италией, заключенный 22 мая 1939 г., и другие. И хотя 1 сентября 1939 г. Италия не решилась вместе с Германией вступить в войну и объявила о своем «нейтралитете», это говорило не о «миролюбии» итальянского империализма, а о военной и экономической слабости Италии, о ее неподготовленности к большой войне. Гитлер в какой-то мере учитывал эти обстоятельства. В телеграмме Муссолини от 1 сентября 1939 г. он сообщал, что Германия не нуждается в военной помощи Италии в начавшейся войне⁴. В данном случае, так же как и во время аншлюса и в период захвата Германией Чехословакии в марте 1939 г., Гитлер не без оснований считал, что, несмотря на «твердую позицию» западных держав и их «гарантии» Польше, ничто не мешает ему быстро расправиться с очередной жертвой. Как известно, так и случилось.

Когда фашистская Германия стала одерживать одну за другой легкие победы в Европе, Муссолини, боясь опоздать к разделу добычи, решил, что пришло время действовать — 10 июня 1940 г. Италия объявила войну Англии и Франции (последняя к тому времени уже потерпела поражение). Целью итальянского фашизма в этой войне было заручиться поддержкой гитлеровской Германии для осуществления своих притязаний «в обмен» на удар в спину уже разбитой французской армии. И Гитлер охотно предоставил необходимую поддержку дуче. 27 сентября 1940 г. в Берлине был подписан пакт между Германией, Италией и Японией о разделе сфер влияния — «пакт трех агрессоров», а 28 октября Италия вторглась в Грецию. Однако из прогулки по Греции у итальянских империалистов ничего не вышло, и только оккупация Греции вермахтом спасла итальянскую армию от окончательного поражения.

Здесь Гитлер видел одну из причин проигрыша в войне — может быть, даже одну из самых важных. «Роковой» итальянский поход в Грецию вынудил Германию вмешаться, что, говорил Гитлер, задержало на 5 недель ее выступление против Советского Союза (планировавшееся на 15 мая 1941 г.). А это, в свою очередь, утверждал он 17 февраля 1945 г., привело к «катастрофической затяжке нашего нападения на Россию», что решило судьбу германо-советской войны. (О тщательно разработанных германских планах завоевания Балканского полуострова Гитлер в «завещании», конечно, умалчивал.) Итак, лишь в результате «верности» своему итальянскому союзнику Германия терпит теперь поражение, заключал Гитлер.

В апреле 1941 г. Германия и Италия напали на Югославию и оккупировали ее. 22 июня 1941 г., в день нападения гитлеровской Германии на СССР, Италия также объявила войну Советскому Союзу. Неизбежным результатом этой безрассудной авантюры итальянского фашизма явился разгром Италии и падение в июле 1943 г. режима Муссолини. В октябре того же года правительство Бадольо объявило Германии войну. Вот эти-то последние события, явившиеся логическим завершением авантюристического, агрессивного внешнеполитического курса Италии, и изображает Гитлер в «завещании» как «предательство» своего итальянского союзника, как «удар в спину». Всю историю итало-германских отношений военного и предвоенного времени Гитлер пересматривает и переоценивает под углом зрения событий 1943—1945 годов.

Крах фашистской Италии, как известно, лишь предшествовал по времени разгрому третьего рейха. Союз гитлеровской Германии и фашистской Италии не был ни случайностью, ни результатом политического просчета с той или другой стороны. Это был тесный военно-политический союз двух империалистических держав, объединенных общностью целей и методов международного грабежа и агрессии. Итальянский империализм оказался значительно слабее германского в военно-политическом и экономическом отношениях. И Гитлер и Муссолини переоценили свои силы в борьбе с внутрен-

⁴ «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945. Serie D (1937—1945)». Bd. VII. Baden-Baden, 1954, S. 402.

ними и особенно внешними противниками фашизма. Однако в «завещании» все перевернуто с ног на голову.

«Когда я берусь судить о прошлом объективно и без эмоций,— говорил Гитлер 17 февраля 1945 г., хотя ни то, ни другое он сделать был не в состоянии,— тогда мне следует признать, что мою непоколебимую дружбу с Италией и дуче следует считать ошибкой. Совершенно очевидно, что союз с Италией принес больше нашим врагам, чем нам. Вступление Италии в войну дало выгоды, которые более чем скромны по сравнению с многочисленными трудностями, вызванными этим. Если, несмотря на все усилия, мы не выиграем эту войну, тогда можно сказать, что Италия способствовала нашему поражению.

Величайшая услуга, которую могла бы оказать нам Италия,— остаться в стороне от нынешнего конфликта. Дабы добиться этого, никакие жертвы, никакие дары с нашей стороны не были бы чрезмерными. Если бы Италия твердо придерживалась своего нейтралитета, мы бы осыпали ее благодарениями. В победе мы бы разделили с ней все плоды и славу. Мы бы от всего сердца участвовали в создании исторического мифа о превосходстве итальянского народа, законного сына древних римлян. Следовало бы предпочесть все, лишь бы не иметь их как товарищей по оружию на поле битвы!

Вступление Италии в войну в 1940 г. с единственной целью — подобно ослу, лягнувшему мертвого льва, лягнуть французскую армию, которая уже распадалась,— имело единственное последствие: запятнало победу, которую побежденный к тому времени был готов принять по-спортивному. Франция признала, что она была побеждена в честном бою армиями рейха, но она не желала признать поражение от держав оси... С моральной точки зрения результаты нашей политики были вдвойне катастрофичны. С одной стороны, мы ранили, не получив при этом никаких преимуществ, самолюбие французов. С другой — мы были вынуждены поддерживать французское господство над их империей из-за опасения, что пожар может распространиться на Итальянскую Северную Африку и она может потребовать предоставления независимости. А поскольку все эти территории ныне оккупированы англо-американцами, мое заявление о том, что эта политика привела к катастрофическим последствиям, более чем оправдано. Более того, эта бесполезная политика дала возможность лицемерам-англичанам выступать, если вам угодно, освободителями в Сирии, Киренаике и Триполитании!

С чисто военной точки зрения положение оказалось немногим лучше! Вступление Италии в войну принесло нашим врагам первые победы, что дало возможность Черчиллю вновь поднять дух своих соотечественников и возбудило надежды у англофилов во всем мире. Хотя итальянцы показали себя неспособными удержать свои позиции в Абиссинии и Киренаике, они имели нахальство броситься очертя голову, не спросив нашего совета и даже предварительно не уведомив нас о своих намерениях, в бессмысленную кампанию в Греции. Постыдные поражения, понесенные ими в этой стране, дали возможность некоторым балканским государствам относиться к нам с презрением. Здесь, и нигде еще, следует искать причины усилившейся твердости позиции Югославии и ее перемены фронта весной 1941 года. Это заставило нас вопреки всем нашим планам осуществить вмешательство на Балканах, что, в свою очередь, привело к катастрофической затяжке нашего нападения на Россию. Нам пришлось израсходовать там некоторые из наших лучших дивизий. В результате мы были вынуждены оккупировать обширные территории, на которых, если бы не весь этот глупый фарс, присутствие наших войск было совершенно излишним. Балканские государства, если бы им только позволили это, были бы только рады сохранить благожелательный нейтралитет в отношении нас. Что касается наших парашютистов, то я бы предпочел использовать их против Гибралтара, а не в Коринфе и на Крите!

Ах! Если бы итальянцы остались в стороне от этой войны! Если бы они сохранили свою позицию невоюющей стороны! Учитывая дружбу и общие интересы, связывающие нас, какое неопределимое значение представляла бы эта позиция! Союзники были бы также в восторге, ибо, хотя они никогда не переоценивали боевых качеств Италии, даже они никогда не предполагали, что Италия окажется такой слабой. Они считали бы величайшей удачей, что столь сильная держава, как Италия, а так тогда полагали, остается нейтральной. Но даже при такой позиции Италии они предпочли бы не рисковать и они были бы вынуждены держать в бездействии большие силы, чтобы

быть наготове на случай вступления Италии в войну, что было бы всегда возможно, если не вероятно. С нашей точки зрения, это означало бы, что значительное количество британских солдат было не у дел, не получая ни боевого опыта, ни вдохновения от побед. Коротко говоря, шла бы своего рода «странная война», и чем дольше она продолжалась, тем больше выгоды мы бы извлекали из нее.

Затянувшаяся война выгодна стране, участвующей в ней, в том случае, если она приобретает опыт ведения войны. Я надеялся вести боевые действия так, чтобы не дать возможности врагу изучить что-нибудь новое в области военного искусства. В Польше и Скандинавии, в Голландии, Бельгии и Франции мне удалось достичь этого. Наши победы были молниеносными, достигались ценой минимальных потерь с обеих сторон, однако достаточно убедительными и решительными, чтобы привести к полному поражению врага.

Если бы война оставалась войной Германии, а не держав оси, мы смогли бы напасть на Россию около 15 мая 1941 года. Вдвойне сильные осознанием того факта, что наши войска не знали ничего другого, кроме решительных и бесспорных побед, мы смогли бы завершить кампанию до наступления зимы. В этом случае все события развивались бы совершенно по-иному!

Из благодарности (я никогда не забуду позиции дуче во время аншлюса) я всегда воздерживался от критики и не высказывал суждений относительно Италии. Напротив, я прилагал громадные усилия к тому, чтобы рассматривать ее как равную сторону. К сожалению, сами законы природы показали, что относиться как к равным к тем, кто не равен вам,— ошибка. Сам дуче равен мне. Быть может, с точки зрения его любви к собственному народу, он даже выше меня. Однако в счет идут не устремления, а факты.

Нам, немцам, следует запомнить, что в подобного рода обстоятельствах лучше быть одним. Мы можем потерять все и ничего не выиграем, связывая себя с более слабыми и беря в компанию партнеров, которые дали многие доказательства своего непостоянства. Я часто говорил, что, где вы находите Италию, там вы найдете победу. Мне бы следовало сказать: где вы достигаете победы, там, будьте уверены, вы найдете Италию!

Ни мое личное уважение к дуче, ни мои инстинктивные чувства дружбы к итальянскому народу не претерпели изменений. Однако я виню себя в том, что не прислушался к голосу рассудка, который обязывал меня быть беспощадным в моей дружбе к Италии. И я мог так поступить как к выгоде дуче, так и к выгоде его народа. Я понимаю, конечно, что подобное отношение с моей стороны обидело бы его и он никогда бы не простил меня. Однако в результате моей снисходительности произошли события, которые не должны были бы произойти и которые могут оказаться фатальными. Жизнь не прощает слабости».

«Если между мною и дуче и возникали противоречия, то они объяснялись всецело мерами предосторожности, которые я должен был иногда применять,— говорил Гитлер 20 февраля 1945 года.— Несмотря на то, что лично я полностью доверял дуче, я был вынужден держать его в неведении о моих намерениях в тех случаях, когда нескромность могла бы поставить под угрозу наши интересы. Если я полностью доверял Муссолини, то он, в свою очередь, полностью доверял Чиано, а последний не имел никаких секретов от прелестных дам, как бабочки, порхавших вокруг него. Мы узнали об этом, заплатив дорогой ценой, и поскольку враг был заинтересован в получении информации любыми путями, ему удалось раскрыть немало секретов через этот канал. Поэтому у меня были основательные причины не говорить дуче всего. Я могу только сожалеть, что он не оценил этого должным образом, был недоволен моим отношением и платил мне той же монетой».

В «завещании Гитлера» значительное место уделяется также другому союзнику Германии — франкистской Испании. «Я иногда спрашиваю себя,— говорил Гитлер Борману 10 февраля 1945 г.,— не совершили ли мы ошибки в 1940 году, не втянув Испанию в войну. Было чрезвычайно легко сделать это, ибо Испания горела желанием последовать примеру Италии и стать членом клуба победителей... Поскольку, однако, Испания не могла сделать существенного вклада, я пришел к выводу, что ее прямое вмешательство было нежелательным». В данном случае Гитлер вновь беззастенчиво лжет и подтасовывает карты. Можно подумать, что вопрос о вступлении Испании в войну на сто-

роне Германии (как и вопрос о вступлении в войну Италии, о чем говорилось выше) зависел только от Гитлера. И что, решив его отрицательно, последний тем самым якобы определил «нейтралистскую» позицию Испании в период второй мировой войны. Факты полностью опрокидывают эту «испанскую концепцию» Гитлера.

Известно, что в канун войны германский империализм захватил прочные экономические позиции в Испании. Кроме того, Франко, будучи благодарен Гитлеру и Муссолини за помощь, которую они оказали испанским фашистам в период гражданской войны, а также в силу тесных военно-политических и экономических связей с Германией и Италией, был с первого дня войны верным союзником держав «оси». Эти связи Испании с итало-германским блоком, несомненно, преобладали над экономической зависимостью Франко от США, Англии и Франции. Известно, что франкистская Испания без формального объявления войны участвовала в военных операциях на стороне стран фашистского блока. Испанские фашисты пытались играть активную роль в войне против Советского Союза. Об этом, в частности, свидетельствует посылка на советско-германский фронт «Голубой дивизии», разгромленной советскими войсками. Однако почему же Испания не приняла официального участия во второй мировой войне? Только ли потому, что Гитлер не пожелал этого? Конечно, нет! Последний совершенно сбрасывал со счетов те внутренние и внешние факторы, которые сыграли важнейшую роль в решении Франко воздержаться от вступления в войну на стороне Германии.

Когда в 1939 г. и весной 1940 г. вермахт быстро сокрушил Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию и Голландию, когда в июне 1940 г. германская армия вступила в Париж и казалось, что уже никто и ничто не остановит Гитлера, Франко решил, что больше медлить со вступлением в войну нельзя. В июне 1940 г. Испания оккупировала международную зону Танжера, продемонстрировав, таким образом, желание воспользоваться поражением Франции для увеличения своих колониальных владений. 17 июля Франко выступил с открытым требованием «возврата земель». В августе он изложил Гитлеру требования, которые являлись не чем иным, как ценой за вступление Испании в войну. Кроме французского Марокко, Алжира и Гибралтара, Франко потребовал от Гитлера значительной военной и экономической помощи. В конце октября 1940 г. во время встречи Гитлера и Франко в Андее (на франко-испанской границе) речь уже шла о конкретных сроках вступления Испании в войну, но и на этот раз дата не была уточнена. В декабре адмирал Канарис, начальник германской контрразведки, অবেরа, посетил Франко и предложил в качестве этой даты 10 января 1941 года⁵.

Однако провал итальянской агрессии в Греции зимой 1940/41 г. и откладывание на неопределенный срок германского вторжения в Англию существенно поколебали решимость Франко. Но самым главным фактором был страх каудильо перед своим собственным народом⁶. Франко не мог дать оружие тем, кто вел против него трехлетнюю войну не на жизнь, а на смерть. Кроме того, чрезвычайно напряженным было экономическое положение страны. Как сообщал в январе 1941 г. германский посол в Мадриде Шторер, испанский министр иностранных дел утверждал, что «Испания уже теперь вступила бы в войну, если бы у нее были запасы зерна, чтобы избежать голода»⁷. В феврале, во время встречи Муссолини и Франко, испанский диктатор заявил, что он «по-прежнему убежден в победе стран осей. Испания, как и прежде, хочет сотрудничать со странами осей и внести свой вклад в дело окончательной победы. Однако Испания испытывает самый настоящий голод и в военном отношении совершенно не подготовлена»; поэтому, заключал Франко, «Испания не в состоянии оказать эффективной помощи делу победы стран осей»⁸. В этих условиях вступление Испании в войну действительно не сулило больших выгод Германии, и Гитлер окончательно отказался от этого плана.

⁵ См. «Германский империализм и вторая мировая война». М. 1963, стр. 62.

⁶ См. S. N. O. a. G. e. Gesandter in besonderer Mission. Hamburg. 1949, S. 485.

⁷ «Документы министерства иностранных дел Германии». Вып. 3. Германская политика и Испания (1936—1943 гг.). М. 1946, стр. 69.

⁸ Там же, стр. 71—72. В послании Гитлера Муссолини от 21 июня 1941 г., в котором Гитлер сообщил о своем решении напасть на Советский Союз, он писал о позиции Испании: «Испания колеблется и, опасаясь я, лишь тогда перейдет на нашу сторону, когда исход всей войны будет решен». «Военно-исторический журнал», 1965, № 5, стр. 101.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз Франко, убежденный в успехе гитлеровского «блицкрига», вновь заговорил в воинственном тоне. Главарь прогитлеровских кругов, министр иностранных дел Серрано Суньер, развил в первые же дни после начала советско-германской войны бурную деятельность. Как сообщил 28 июня 1941 г. Шторер, Суньер «планомерно подготавливает вступление Испании в войну. По его инициативе была проведена отправка испанских добровольцев на восточный фронт против России»⁹. В июле Франко произнес речь, в которой нападал на Англию и превозносил Германию. В феврале 1942 г. каудильо заявил: «Если бы путь в Берлин был свободен, тогда мы бы создали не одну дивизию испанских добровольцев, а послали бы миллион испанских солдат»¹⁰.

Но и на этот раз Франко побоялся вступить в войну. После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз внутреннее положение в Испании оставалось напряженным: оппозиция народных масс войне усилилась, экономическое положение по-прежнему было угрожающим. Франко ограничился отправкой в 1941 г. на советско-германский фронт «Голубой дивизии», насчитывавшей около 60 тыс. солдат.

Вскоре события второй мировой войны окончательно похоронили агрессивные планы Франко. В декабре 1941 г. под Москвой армия фашистской Германии потерпела первое сокрушительное поражение, и одновременно, как мыльный пузырь, лопнули надежды явных и тайных союзников Гитлера на «блицкриг». Франко понял, что Германии придется вести долгую, изнурительную войну, с минимальными шансами на успех. 19 февраля 1942 г. Суньер сообщил Штореру о встрече Франко и Салазара в Севилье, на которой он, Суньер, присутствовал. Во время встречи ее участники обсуждали, в частности, возможную перспективу «победы англосаксов... над Германией с помощью России»¹¹. «Германия с тех пор,— информировал Франко Салазара относительно попыток Германии втянуть Испанию в войну в 1940 и 1941 гг.,— никогда больше не проявляла настойчивости в этом вопросе»¹².

Когда в конце 1942 г. Красная Армия остановила гитлеровские полчища под Сталинградом, а в Северной Африке высадились англичане и американцы, Франко понял, что едва ли теперь можно рассчитывать на победу держав «оси». И вот каудильо уже выступил в новой роли — роли «посредника» при попытке заключения сепаратного мира США и Англии с Гитлером в целях спасения Германии от неизбежного поражения и организации единого антисоветского фронта. Когда новый германский посол в Мадриде Мольтке в январе 1943 г. впервые после своего назначения имел беседу с Франко, то последний заявил: «Испания готова и имеет намерение в рамках своих политических возможностей помогать Германии в борьбе, которую ей предопределила судьба. Каудильо будет благодарен за всякое указание, каким путем могла бы быть оказана эта помощь. Например, можно подумать о том, чтобы со стороны Испании велась работа над углублением противоречий между Англией и Советским Союзом, с одной стороны, а также между Англией и Америкой — с другой...»¹³. Война продолжается гораздо дольше, чем это предполагалось... Чем дольше продлится война, тем проблематичнее победа. Поэтому уже сейчас следовало бы думать о возможности окончания войны»¹⁴. И, наконец, Дикгоф, германский посол в Мадриде, сменивший Мольтку в апреле 1943 г., сообщал Риббентропу 1 мая свое впечатление от беседы с Франко: «Бросалось в глаза, что каудильо, очевидно, не совсем верит в возможность полного разгрома Советов»¹⁵.

⁹ «Документы министерства иностранных дел Германии». Вып. 3, стр. 84.

¹⁰ «Palabras del Caudillo». Madrid. 1943, p. 204.

¹¹ «Документы министерства иностранных дел Германии». Вып. 3, стр. 93.

¹² Там же, стр. 95.

¹³ О попытках Франко организовать единый антисоветский фронт, в котором были бы объединены и англосаксонские страны и Германия, см. также «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», Т. I. М. 1957, стр. 400, сн. 90. Об аналогичных попытках Ватикана, относящихся к 1943 г., см. материалы «Пий XII и третий рейх». «Международная жизнь», 1965, № 2, стр. 128.

¹⁴ «Документы министерства иностранных дел Германии». Вып. 3, стр. 146—147, а также стр. 150, 152, 160—162.

¹⁵ Там же, стр. 175.

В 1963 г. западногерманский журнал «Der Spiegel» опубликовал чрезвычайно любопытные материалы, лишний раз опровергающие версию о «сердечных» испано-германских отношениях в период войны. После того, как Гитлеру не удалось во время встречи в Андее убедить каудильо в необходимости вступления Испании в войну на стороне Германии, он возненавидел Франко (на обратном пути из Андеи, признавался Риббентроп, Гитлер «все время проклинал иезуита Суньера и неблагодарного труса Франко, которые нас без конца благодарят, но помочь ничем не хотят»¹⁶). Уже тогда в окружении Гитлера стал вынашиваться план — убрать Франко и Суньера, заменив их лицами, пользующимися полным доверием Берлина; втянуть Испанию в войну; ввести германскую армию на Пиренейский полуостров и овладеть Гибралтаром. Осуществить «испанскую операцию» было поручено Риббентропу и начальнику VI отдела Главного управления имперской безопасности Вальтеру Шелленбергу. Заговор долго и тщательно готовился, и лишь по не зависящим от гитлеровцев обстоятельствам (преждевременный антифранкистский путч старых фалангистов летом 1942 г. и высадка войск союзников под командованием Эйзенхауэра в Северной Африке осенью того же года) им не удалось его осуществить.

Однако в «завещании» Гитлер ни словом не обмолвился ни о заговоре против Франко, ни о подлинном характере испано-германских отношений 1940—1943 гг.; в 1945 г. он как ни в чем не бывало говорил, что втянуть Испанию в войну было просто. «Франко необыкновенно взвинчивал цену за вступление Испании в войну,— говорил Гитлер 10 февраля 1945 г.— Тем не менее я убежден, что, несмотря на систематический саботаж его шурина-иезуита (Серрано Суньера.— А. Г.), он бы согласился выступить вместе с нами на довольно разумных условиях — обещания клочка французской территории для умиротворения его гордыни и большого куска Алжира как осязаемого материального вознаграждения. Поскольку, однако, Испания не могла сделать существенного вклада, я пришел к выводу, что ее прямое вмешательство было нежелательным. Правда, ее участие в войне позволило бы нам занять Гибралтар. С другой стороны, вступление Испании в войну на многие километры удлинило бы береговую полосу в Атлантике, которую нам приходилось бы оборонять от Сан-Себастьяна до Кадиса...

В целом, обеспечив нейтралитет Иберийского полуострова, Испания оказала нам единственную услугу, возможную для нее в этой войне. Честно говоря, иметь на шее Италию — уже достаточный груз, и каковы бы ни были качества испанского солдата, Испания, учитывая ее нищету и неподготовленность, оказалась бы скорее тяжким бременем, чем приобретением...

Легче всего было бы захватить Гибралтар силами наших диверсионно-десантных частей, в то время как Франко смотрел бы на эту операцию сквозь пальцы и не объявил бы о вступлении в войну. Я убежден, что Англия не использовала бы это в качестве предлога для объявления войны Испании. Ей было бы слишком выгодно сохранение Испанией статуса невоюющей страны. А с точки зрения наших интересов, это устранило бы любую угрозу английской высадки на побережье Португалии». «Используя энтузиазм, вызванный нами в Испании,— говорил Гитлер 20 февраля 1945 г.— и удар, который мы нанесли Англии, нам бы следовало напасть на Гибралтар летом 1940 года, немедленно вслед за поражением Франции. В то время, однако, неудобство заключалось в том, что было бы трудно предотвратить вступление в войну на нашей стороне Испании. Это неудобство было особенно значительным, так как за несколько недель до этого нам не удалось помешать Италии ринуться на спасение нашей победы».

И еще об одном союзнике фашистской Германии говорится в «завещании» — об империалистической Японии. Гитлер очень сдержанно и немногословно характеризует политику Японии. В отличие от Испании и Италии фюрер расточает в адрес Японии неумеренные похвалы. Однако из записи, сделанной 18 февраля 1945 г., выясняется, что и японский союзник не оправдал надежд Гитлера: «Поскольку вступление Соединенных Штатов в войну было неизбежно, нам посчастливилось иметь на нашей стороне столь ценного союзника, как Япония...

¹⁶ «Der Spiegel», 1963, № 18, S. 77. Рассказывая впоследствии Муссолини о своей неудачной попытке во время встречи в Андее уговорить Франко вступить в войну на стороне Германии, Гитлер признавался: «Я лучше дам себе вырвать четыре зуба, чем снова пройти через это». «Секретные миссии». М. 1964, стр. 135.

Для нас Япония навсегда останется союзницей и другом. Эта война научит нас ценить и уважать ее больше, чем когда-либо еще. Война побудит нас укреплять узы, связывающие обе страны. Конечно, достойно сожаления, что японцы не вступили в войну с Россией одновременно с нами. Если бы они сделали это, сталинские армии сейчас не осаждали бы Бреслау и не вломились бы в Будапешт. Нам следовало бы ликвидировать большевизм до наступления зимы, и Рузвельт поколебался бы перед перспективой иметь двух столь сильных противников, как мы с Японией. Равным образом я сожалею, что Япония не захватила Сингапур в начале 1940 г., немедленно вслед за разгромом Франции. Соединенные Штаты были тогда накануне президентских выборов и сочли бы невозможным вмешаться. Тогда это явилось бы одним из поворотных пунктов войны.

Несмотря на все, мы и японцы верно будем стоять бок о бок. Либо мы одержим верх, либо погибнем вместе».

После окончания войны стали известны новые многочисленные факты и документы о попытках руководства фашистской Германии сговориться с западными державами, заключить с ними сепаратный мир с тем, чтобы все силы вермахта бросить против Советской Армии. Надежда на раскол антигитлеровской коалиции являлась для фюрера и его ближайшего окружения последним шансом на спасение.

«После пятидесяти четырех месяцев титанической борьбы, ведущейся с несравненной яростью с обеих сторон,— говорил Гитлер 6 февраля 1945 г.,— германский народ остался в одиночестве перед лицом коалиции, поклявшейся уничтожить его. Война бушует везде, на всех наших границах. Она с каждым днем приближается. Наши враги собирают все свои силы для последнего штурма. Их цель состоит в том, чтобы не только разгромить нас на поле брани, но сокрушить и физически истребить нас. Они стремятся уничтожить наш рейх, наше мировоззрение, обратить в рабство германский народ... Стрелка часов приближается к двенадцати.

Обстановка серьезна, очень серьезна. Она представляется даже безвыходной. Мы можем легко позволить усталости и истощению овладеть нами, мы можем утратить дух до такой степени, что станем слепы к слабостям наших врагов. Однако, как бы то ни было, эти слабости существуют. Перед нами стоит неоднородная коалиция, скванная вместе ненавистью и завистью, сцементированная страхом, который возбуждает доктрина национал-социализма у этого оевреившегося конгломерата... Пока мы продолжаем сражаться, все еще существует надежда, а уже одного этого достаточно, чтобы заставить нас перестать думать о том, что утрачено. Ни одна игра не проигрывается до последнего свистка...

Нет! Не существует безвыходных положений! Посмотрите, какое количество примеров поворота судьбы дает история германского народа! Во время Семилетней войны Фридрих оказался в весьма жалком положении. Зимой 1762 г. он решил, что, если не произойдет изменений к определенному сроку, намеченному им, он покончит с собой, приняв яд. Теперь обратите внимание — всего за несколько дней до наступления этого дня неожиданно умирает царица, и вся обстановка претерпевает чудесное изменение. Как и Фридрих Великий, мы сражаемся против коалиции, а коалиция, помните это, не являет собой прочного единства. Она существует только по воле горстки людей. Если бы Черчилль внезапно исчез, все бы изменилось с молниеносной быстротой! Английская аристократия, возможно, могла бы понять, какая пропасть разверзлась перед ней, и могла бы испытать серьезное потрясение! О, эти англичане, для которых мы косвенным образом сражаемся и которые будут наслаждаться плодами нашей победы! ...Мы все еще можем схватить победу в последнем рывке! Хватило бы только нам времени для этого!

Нам нужно только одно — отказаться признать себя побежденными, ибо для германского народа сам факт продолжения независимого существования уже победа. А этого одного будет достаточно для оправдания данной войны, которая окажется не напрасной. В любом случае ее нельзя было избежать — враги германского национал-социализма навязали ее мне еще в январе 1933 года».

Итак, как мы видим, в «завещании» Гитлер пытается доказать, что в эти последние месяцы он и его окружение уповали только на случай (например, смерть Черчилля), который позволит Германии закончить войну на Западе «почетным миром». Но, как известно, слова Гитлера — «все еще существует надежда» — не были просто фра

зой. Перед лицом неминуемого краха третьего рейха и разгрома вермахта Гитлер, а также другие главари фашистской Германии делали основную ставку на то, чтобы использовать определенные разногласия, имевшие место между участниками антигитлеровской коалиции по вине англо-американской стороны, вызвать раскол между союзниками. И надо сказать, что некоторые весьма влиятельные американские и английские политические деятели были не прочь заключить сепаратный мир с Гитлером для того, чтобы помешать участию СССР в послевоенном устройстве Европы.

Фашистским главарям, несомненно, были известны эти антисоветские тенденции реакционных кругов Англии и США. Офицер генерального штаба, находившийся в это время в ставке Гитлера, пишет о Гитлере и его надеждах наговор с англичанами и американцами: «В эти дни он все время стремился убедить свое окружение в том, что американцы и англичане не оставят его в беде (дословно!) как первого защитника западной культуры и цивилизации от восточных варваров, что они предложат ему перемирие, чтобы он успешно мог продолжать борьбу против Советов. Больше того, они окажут ему в этой борьбе даже материальную помощь. Когда было получено известие о смерти Рузвельта, в «бункере фюрера» эти настроения перешли даже в уверенность, что война с Западом окончена¹⁷. Проводились исторические параллели со смертью Елизаветы, которая дала возможность Фридриху II избежать неблагоприятного исхода Семилетней войны. Стремление Гитлера сравнить себя с Фридрихом Великим, вероятно, сыграло здесь некоторую роль»¹⁸.

И вот в то время, когда развернулось сражение за Берлин, гитлеровцы предпринимали отчаянные усилия с целью остановить победоносное и неукротимое наступление Красной Армии. Как стало позже известно от самого Черчилля, английский премьер-министр в эти последние дни войны всерьез рассматривал вопрос о возможности использования пленных гитлеровских солдат против... союзника Англии по войне — против СССР! Этот позорный факт Черчилль сообщил в 1954 г., когда он рассказал, что приказал в конце апреля 1945 г. собирать немецкое оружие, чтобы его снова можно было раздать германским солдатам, «с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось»¹⁹. И только твердая и последовательная позиция Советского Союза, а также быстрое завершение берлинской операции спутали карты западных союзников и положили конец закулисным махинациям некоторых военных и политических деятелей США и Англии. 8 мая 1945 г. представители гитлеровского командования во главе с Кейтелем подписали акт о полной и безоговорочной капитуляции Германии.

Примеров явной, циничной фальсификации истории в «завещании Гитлера» хоть отбавляй. Но в нем содержится и более тонко замаскированная ложь, особенно в тех случаях, когда фюрер пытался «идеологически» обосновать те или иные мероприятия правительства фашистской Германии в области внутренней и внешней политики.

«Завещание» — это еще один неопровержимый обвинительный документ против фашизма с его человеконенавистнической идеологией. «Монополистический капитал порождает идеологию фашизма — идеологию крайнего шовинизма и расизма... Фашизм везде и всегда начинается с оголтелого антикоммунизма, чтобы, изолировав и разгромив партии рабочего класса, раздробить силы пролетариата и бить их по частям, а затем покончить со всеми другими демократическими партиями и организациями, сделать народ слепым орудием политики капиталистических монополий»²⁰.

Когда в январе 1933 г. фашистская партия пришла в Германии к власти, она уже имела готовую внешнеполитическую программу — программу агрессии, завоевания, порабощения других народов и государств. Двенадцатилетняя фашистская диктатура, подчеркивал О. Гротеволь, уходит корнями в германские традиции, и после

¹⁷ «В этой обстановке полученное в имперской канцелярии в ночь на 13 апреля сообщение о смерти президента США Рузвельта вызвало среди нацистских бонз бурное ликование... Последующие три дня в подземелье имперской канцелярии царило радостное оживление... На все лады варьировалась тема: смерть Рузвельта приведет к изменению позиции Запада в отношении Гитлера и фашистской Германии». Г. Л. Роза в. Крушение фашистской Германии. М. 1963, стр. 94—95.

¹⁸ См. «Военно-исторический журнал», 1964, № 4, стр. 96.

¹⁹ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945». Т. 5. М. 1963, стр. 337.

²⁰ «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М. 1961, стр. 53.

1933 г. стало ясно, что это варварство «было лишь результатом целой цепи развития, глубоко закрепленной в прошлом нашей истории»²¹. Теоретическую основу гитлеровской идеологии составляли труды крайне реакционных историков, философов и прочих идеологов милитаризма и реакции XIX и XX вв. (Г. Онкена, Ф. Ницше, Л. Ранке, Г. Трейчке, Г. Зибея, О. Шпенглера, Ф. Мейнеке, Г. Чемберлена и др.). Отнюдь не случайно, что пресловутый шовинистический гимн «Deutschland, Deutschland über alles» был написан еще в середине XIX столетия.

Гитлеровцы старались заразить немецкий народ ядом шовинизма, милитаризма, морально растлить миллионы немцев, подготовить их к свершению чудовищных преступлений. Этой цели служили антикоммунизм, расизм, антисемитизм, проповедь теории «жизненного пространства». Крайним выражением гитлеризма на практике был геноцид²².

В «завещании Гитлера» обливаются грязью целые народы, не имевшие «счастья» принадлежать к немецкой «расе господ». Народы латинских стран, славяне, евреи, англичане и американцы — всех их с тевтонской спесью оценивает, как он сам себя характеризует, «свободный от расовых предрассудков» фюрер. И здесь же он твердит об «исторических» заслугах «национал-социализма» в деле воспитания у немецкого народа чувства «расовой гордости».

«Я должен подчеркнуть, — говорил он 13 февраля 1945 г., — что я совершенно свободен от расовых предрассудков. В любом случае нежелательно смешение рас. За исключением немногих удач в этом отношении, которые я готов признать, систематическое скрещивание рас никогда не приводило к хорошим результатам. Желание пребывать в расовой чистоте — доказательство жизнеспособности и доброго здоровья нации. Гордость собственной расой вовсе не влечет за собой презрение к другим расам...

Наша расовая гордость не является агрессивной, за исключением евреев.. Я всегда был абсолютно честен в своей политике в отношении евреев. Накануне войны я выступил с последним предупреждением им. Я заявил им, что если они спровоцируют еще одну войну, то им пощады не будет, и я истреблю заразу по всей Европе раз и навсегда. На это предупреждение они ответили объявлением войны, тем самым подтвердив, что где бы в мире ни было еврея, он является непримиримым врагом национал-социалистской Германии».

10 февраля 1945 г. Гитлер говорил о народах латинских стран: «На мой взгляд, эта война ясно продемонстрировала по крайней мере одно — нецелимый упадок латинских стран. Они показали, вне всякого сомнения, отсутствие жизнеспособности и поэтому не могут больше претендовать на участие в решении международных вопросов». 20 февраля он продолжал в том же духе: «Эти латинские страны не приносят нам счастья. Их высокомерное зазнайство прямо пропорционально их слабости, и это всегда путает карты. Нам целиком и полностью не удалось обуздать желание итальянцев прославить себя на полях сражений, хотя мы даже проявили готовность присвоить им лавры за героизм, даровать им все плоды военных побед и выгоды, притекающие из победоносной войны, при одном, однако, обязательном условии, что они в ней не приняли бы никакого участия.

Англичане, конечно, по сравнению с нами были куда более сильно введены в заблуждение своим латинским союзником. Совершенно очевидно, что Чемберлен никогда бы не объявил войны, если бы он понимал истинные размеры деморализации и неполноценности Франции. Англичане, несомненно, ожидали, что Франция вынесет на своих плечах все бремя кампании на суше, на континенте. Для Чемберлена не было бы ничего легче, как пролить несколько крокодиловых слез по поводу Польши, а затем предоставить нам полную свободу расправиться с этой страной.

К физической слабости латинских стран следует добавить поистине фантастические претензии. Между дружественной Италией или враждебной Францией нет решительно никакой разницы. Слабость обеих этих держав имела одинаково фатальные последствия для нас».

²¹ O. Grotewohl. Deutsche Kulturpolitik. Berlin. 1952. S. 11. См. также А. Абуш. Ложный путь одной нации. М. 1962, стр. 255—257.

²² Подробнее об этом см. В. Т. Фомин. Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939 гг. М. 1963, стр. 44.

Особую ненависть Гитлер всегда испытывал к Франции и французам. «Я никогда не любил Францию и французов и никогда не устал повторять это,— рассуждал он 15 февраля 1945 года.— Я допускаю, что среди них есть некоторые достойные люди. Нет сомнения, что в последние годы целый ряд французов поддерживал объединение Европы искренне и с большим мужеством. И жестокость, с которой собственные соотечественники заставили этих людей заплатить за их ясный взгляд, доказательство доброй воли этих людей».

Между прочим, Гитлер, что характерно для всех его высказываний, зафиксированных в «завещании», без конца противоречит сам себе. Так и в данном случае. 15 февраля он снисходит до похвалы французским коллаборационистам, сотрудничавшим с немецкими оккупантами. А всего лишь днем раньше, 14 февраля, он дает совершенно иную оценку этим «достойным людям»:

«Нашей величайшей политической ошибкой была наша политика в отношении французозв. Нам бы не следовало вообще сотрудничать с ними. Эта политика оказалась полностью выгодной им, но была невыгодна нам. Абец возмнил себя очень умным, когда высказался за сотрудничество и когда он убедил нас проводить эту политику. Он думал, что он руководит развитием событий, тогда как в действительности плелся в их хвосте. Наверное, ему казалось, что мы имели дело с Францией времен Наполеона, с нацией, которая способна оценить важность и далеко идущие последствия благородного жеста. Он был не в состоянии усмотреть очевидный факт, а именно, что за последнее столетие Франция совершенно изменилась...»

Только взгляните, каких друзей нам сыскали во Франции наши гении с Вильгельмштрассе — мелких, расчетливых, жалких спекулянтов, которые торопились подмазаться к нам, когда решили, что мы оккупировали Францию, чтобы сохранить их счета в банках, но которые были готовы предать нас при первой же возможности, если не подвергались при этом опасности!..

Что касается Франции, перед ней открывались два пути. Она могла бы расторгнуть союз с Британией. В этом случае, как верный союзник, она не представляла бы для нас интереса, так как мы знали, что она может предать также и нас при первой возможности, или она могла бы только притвориться, что обменяла союзников подобным образом, и тогда она представляла бы для нас еще более сомнительную ценность. Необоснованные надежды, возлагавшиеся с нашей стороны на эту страну, просто смехотворны. В действительности можно было проводить только одну политику в отношении Франции,— политику сурового и жестокого недоверия. Я знаю, я прав в отношении Франции. Я пророчески правильно оценил Францию в «Mein Kampf». И я очень хорошо знаю, почему, несмотря на все просьбы, я не видел оснований, по которым следовало бы изменить мнение, высказанное мною еще двадцать лет тому назад».

Особенно бросаются в глаза в «завещании Гитлера» те места, где речь идет об оценке немецкого народа. То он пишет о народе подобострастно, то он проклинает его, заявляет, что это народ, который «недостойн своего фюрера» и который поэтому будто обречен на гибель. Тем не менее Гитлер продолжал твердить, что в будущем немецкий народ, «сохранив свою расовую чистоту», вновь поднимется только в том случае, если последует его, Гитлера, советам.

«Национал-социализм,— говорил он 21 февраля 1945 г.,— заинтересован в благополучии лишь германской расы и стремится обеспечить счастье только немцам...». «Судьба,— продолжал утверждать фюрер 25 февраля 1945 г.,— уготовила мне долю попытаться осуществить все в течение короткого промежутка человеческой жизни. Мне помогает романтический идеализм, основывающийся на реальных фактах, из которых проистекают обещания совершенно выполнимые, но который запрещает мне обещать луну с неба. В то время, как другие имеют в своем распоряжении вечность, у меня немногие, жалкие годы. Другие знают, что их сменят те, кто продолжит там, где они кончили, точно вспахивая борозду в том же направлении и тем же плугом. Я теперь дожид до такого времени, когда задумываюсь над тем, найдется ли в моем ближайшем окружении человек, избранный судьбой, чтобы поднять и понести дальше факел, когда он выпадет из моих рук».

Судьба также предопределила мне быть слугой народа с крайне трагическим прошлым, столь нестабильного, столь непостоянного, каким является германский народ,

который в зависимости от обстоятельств шарахается из одной крайности в другую. С моей личной точки зрения было бы идеально, во-первых, обеспечить будущее существование германского народа, затем воспитать молодежь на идеях национал-социализма и предоставить ведение неизбежной войны будущим поколениям, если, конечно, наши враги не отступили бы перед лицом вновь обретенной мощи германского народа. Таким путем Германия могла бы хорошо вооружить себя материально и духовно. Она имела бы в своем распоряжении администрацию, внешнюю политику и армию, воспитанные с детства на принципах национал-социализма. Задача, которую я взял на себя — возвысить германский народ до подобающего ему места в мире, — не может быть выполнена одним человеком или одним поколением».

2 апреля 1945 г., во время последней речи Гитлера в присутствии Бормана, он изложил основные пункты своего «завещания» в отношении германской «политики будущего». «Что же мы можем посоветовать, какую линию поведения мы можем рекомендовать тем, кто выживет, сохранив чистую душу и неразбитое сердце? Потерпевший поражение, обреченный в одиночку бороться за свое собственное спасение, живущий только как сторож в темной ночи, германский народ должен сделать все, чтобы повиноваться дарованным ему нами расовым законам...

...Двадцать лет тому назад я писал, что для Германии в Европе возможны только двое союзников — Англия и Италия. События в течение этого периода развивались таким образом, что оказалось невозможным проводить политику, которая логически вытекала бы из моего заявления. Англичане, конечно, все еще осуществляли власть в империи, однако у них больше нет моральных качеств, необходимых для сохранения своей империи... Италия старалась подражать древнему Риму. Она питала все честолюбивые замыслы Рима, но не имела двух важных сопутствующих качеств — твердости духа и материальной мощи. Она имела единственную козырную карту — руководство истинного римлянина. Но какая трагедия для этого человека! Какая трагедия для Италии! Для народа, как и для отдельного индивидуума, трагично питать честолюбивые замыслы и не иметь как необходимых для их достижения средств, так и надежд когда-либо приобрести эти средства.

Остается Франция. Двадцать лет тому назад я писал, что думаю о Франции. Она была и остается смертельным врагом немецкого народа. Ее неуклонное вырождение и частые нервные припадки иногда заставляли нас преуменьшать значение ее действий. Если она и будет продолжать слабеть, что представляется вероятным, это вовсе не дает оснований относиться к ней с доверием. Ныне военная мощь Франции канула в прошлое, и только с этой точки зрения вы можете быть уверены, что никогда она не доставит нам и минутного беспокойства. Каков бы ни был исход этой войны, она по крайней мере поставила Францию на принадлежащее ей место пятиразрядной державы. Однако, благодаря своей безграничной коррупции и несравненному владению искусством шантажа, Франция все еще может стать опасной для нас. Нашими лозунгами, следовательно, должны быть недоверие и бдительность. Пусть немцы позаботятся о том, чтобы никогда больше не быть очарованными голосом этой сирены!..

...Если Северной Америке не удастся разработать доктрины менее пустой, чем та, которая ныне служит своего рода моральным *vade mecum* и которая основывается на возвышенных, но химерических принципах так называемой христианской науки, тогда сомнительно, чтобы этот континент остался белым. Скоро станет очевидно, что у колосса на глиняных ногах после его удивительного возвышения осталось силы лишь для того, чтобы дать толчок собственному падению...

...Итак, в этом жестоком мире, в который вновь ввергли нас две войны, становится очевидно, что лишь те белые народы имеют какие-либо шансы выжить и процветать, кто знает, что такое страдание, и все еще сохраняет волю к борьбе, даже когда обстановка безвыходна, к борьбе до самой смерти. И только те народы имеют право претендовать на эти качества, кто показал себя способным уничтожить у себя смертельный еврейский яд». Это были последние слова Гитлера, зафиксированные Борманом в «завещании».

Расизм в течение всего периода фашистской диктатуры изо дня в день пропагандировали в Германии. Фашистские теоретики «обосновывали» превосходство немцев над другими расами, «доказывали» право немцев на господство над другими народами, в первую очередь над славянскими. Неарийцы должны или исчезнуть, или покориться

немцам, повседневно твердила фашистская пропаганда. Пропаганда расизма содержалась в программах всех учебных заведений Германии.

Одним из первых мероприятий по реализации каннибальского расизма явилась антисемитская политика гитлеровцев. Еще в книге «Моя борьба» Гитлер писал, что для выполнения своей задачи «национал-социалистское движение» должно относиться к евреям, как к своим смертельным врагам²³. После захвата власти фашистами антисемитизм был объявлен официальной государственной политикой²⁴. Эта политика являлась составной частью обширного плана германских монополий по подготовке и развязыванию мировой войны так же, как «производство вооружения и воинская повинность»²⁵. Зоологический антисемитизм с первой и до последней строчки пронизывает «завещание Гитлера».

Преследование коммунистов, ликвидация свободных профсоюзов, запрещение политических партий, отмена гражданских свобод и уничтожение всякой оппозиции — словом, реакция по всему фронту, с одной стороны, и бешеная гонка вооружений, милитаризация экономики, с другой, — вот что было наиболее характерным для фашистской Германии в канун войны. «Современный милитаризм, — указывал В. И. Ленин, — есть результат капитализма. В обеих своих формах он — «жизненное проявление» капитализма: как военная сила, употребляемая капиталистическими государствами при их внешних столкновениях («Militarismus nach aussen», как выражаются немцы) и как оружие, служащее в руках господствующих классов для подавления всякого рода (экономических и политических) движений пролетариата («Militarismus nach innen»)»²⁶.

Когда Гитлер и его хозяева — германские монополии — развязали вторую мировую войну, то расовая теория была использована фашистами для установления в Европе такого «нового порядка», при котором немецкая «раса господ» могла бы спокойно наживать миллионы и миллионы на эксплуатации труда «рабов». Все без исключения народы оккупированных фашистами европейских стран и территорий должны были стать рабами империалистической Германии. Многие народы, и в первую очередь славяне и евреи, подлежали в соответствии с каннибальскими планами гитлеровцев физическому уничтожению.

«Еврейский вопрос» и во время войны продолжал занимать важное место в расовой политике фашистов. Выступая 30 января 1939 г. в рейхстаге, Гитлер заявил: «В случае, если международные еврейские банкиры внутри и вне Европы сумеют еще раз свергнуть нации в мировую войну, то результатом такой войны будет не большевикизация мира и победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе»²⁷. Тезис о том, что виновником войны является «интернациональный еврей», многократно повторялся в «завещании Гитлера»²⁸.

²³ См. «Нюрнбергский процесс». Т. 4. М. 1959, стр. 659. В беседе с председателем данцигского сената Раушингом Гитлер признавал, что антисемитизм — это «самое сильное оружие в моем пропагандистском арсенале». Когда Раушинг спросил Гитлера, нет ли у него намерения истребить сразу всех евреев, Гитлер ответил: «Нет. Тогда мы были бы должны снова кого-то искать. Существенно всегда иметь перед собой осязаемого противника, а не голую абстракцию». Цит. по: В. Т. Фомин. Указ. соч., стр. 45—46, и Г. Л. Розанов. Германия под властью фашизма. М. 1964, стр. 20.

²⁴ Был издан целый ряд антисемитских декретов, в том числе так называемые нюрнбергские законы 1935 года (евреи были лишены всех гражданских прав, в том числе права голоса, их изгоняли из деловой и экономической жизни Германии). После издания этих законов гитлеровцы организовали по всей Германии черносотенные еврейские погромы. «Нюрнбергский процесс». Т. 4, стр. 659, 660, 691, 881.

²⁵ Там же, стр. 658; см. также А. Норден. Уроки германской истории. М. 1944, стр. 138—139.

²⁶ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 187.

²⁷ Цит. по: «Нюрнбергский процесс». Т. 4, стр. 662.

²⁸ «В далекие времена средневековья, — пишет видный общественный и государственный деятель ГДР А. Абуш, — господствующие классы, когда случались голод, чума или другие эпидемии, сжигали парочку «ведьм», чтобы народ поверил в их злое козми, либо (как это имело место в середине XIV в.) устраивали еврейские погромы, приписывая евреям вину за все бедствия. Гитлер объединил оба метода: его «завещание» стал «интернациональный еврей», который «виной всему». А потому его следовало предать огню, предварительно разграбив его имущество, которому надлежало рекочевать в карманы праввернейших нацистов и монополистов». А. Абуш. Указ. соч., стр. 257.

18 декабря 1941 г. Розенберг составил для Гитлера документ под названием

Благодаря героизму и мужеству Красной Армии, громившей полчища вермахта на территории фашистской Германии, час расплаты фашистов за все их чудовищные злодеяния по отношению к народам Европы неумолимо приближался. Гитлеровцы чувствовали, что им не уйти от расплаты. Преступник Эйхман, казненный спустя много лет после окончания войны, будучи начальником так называемого отдела по еврейским вопросам гестапо, признавался в феврале 1945 г. одному из своих приближенных, Вислицени, что, если война будет проиграна, он покончит жизнь самоубийством. «Он сказал,— вспоминает Вислицени,— что он с улыбкой прыгнет в могилу, так как он с особым удовлетворением сознает, что на его совести около 5 миллионов человек»²⁹.

Весьма показательны, что расистские бредни Гитлера, с избытком присутствующие и в «завещании» и в других его «сочинениях» попеременно с его внешнеполитическими оценками и «пророчествами», имеют сегодня широкое распространение на Западе. Буржуазная историография относится к ним с самым серьезным видом. Находятся даже такие, с позволения сказать, «ученые», вроде Хоггана, которые восхваляют и защищают внешнюю политику фашистской Германии, изображая агрессивную, грабительскую войну со стороны третьего рейха «вынужденной войной», оправдывают расистские бредни фашистов и тем самым оскверняют память миллионов невинных жертв фашистского террора. Недаром весной прошлого года, накануне девятнадцатой годовщины окончания второй мировой войны, Хогган был приглашен западногерманскими реваншистскими организациями «Германское культурное дело европейского духа», «Общество содействия научно-историческим исследованиям» и «Общество свободной публицистики» для чтения лекций в ФРГ³⁰.

В «завещании Гитлера» имеется много высказываний по вопросам колониальной политики. Извращая общеизвестные исторические факты, Гитлер утверждал, что Германия якобы никогда не стремилась к колониальным захватам, не проводила империалистической политики. В период фашистского господства Германии также была чужда колониальная политика, демагогически заявлял фюрер, так как он, Гитлер, хорошо знал, исходя из опыта истории, что обладание колониями приводит государства, владеющие ими, к упадку.

«Любой народ, желающий процветать,— говорил Гитлер 7 февраля 1945 г.,— должен быть связан со своей родной землей. Человек никогда не должен порывать со страной, в которой имел честь родиться. Он никогда не должен надолго покидать свою родину и, уезжая, всегда должен думать о возвращении. Англичане, которые по необходимости стали колонизаторами и которые в самом деле были великими колонизаторами, обычно следовали этому правилу.

Что касается континентальных народов, то я убежден, что они должны осуществлять экспансию только в тех направлениях, где земли завоевателей и покоренных соприкасаются друг с другом. Необходимость иметь связь с землей касается всех континентальных народов и в особенности, на мой взгляд, германского народа. И это, по всей вероятности, объясняет, почему мы никогда не испытывали очень сильного желания стать колонизаторами. Даже поверхностное ознакомление с историей, как древней, так и современной, показывает, что заморские предприятия всегда в конечном итоге приводили к обнищанию тех, кто их затевал. Все такие народы в конце концов истощались в результате собственных усилий, и в соответствии с неизбежным развитием событий они все становились жертвами либо порожденных ими сил, либо сил, которые они же вновь пробуждали к жизни. Разве греки не дают наилучший пример в этом отношении?

«Меморандум для фюрера, касающийся еврейской собственности во Франции». В этом документе, на котором стоит гриф «Секретно», сказано: «Покушения на жизнь наших солдат не прекратились. Напротив, они продолжают. Это показывает, что существует определенный план нарушить германо-французское сотрудничество, вынудить Германию отомстить и, таким образом, вызвать новую волну сопротивления во Франции против Германии... Именно евреи в Лондоне и Нью-Йорке подстрекают французских коммунистов совершать акты насилия, и было бы чрезвычайно справедливо, чтобы члены этой расы расплатились за это». «Нюрнбергский процесс». Т. 4, стр. 667—668. См. также E. E u s h. Geschichte der Weimarer Republik. Т. II. 1956. S. 276.

²⁹ См. «Нюрнбергский процесс». Т. 4, стр. 676, 677, 713, 726.

³⁰ См. «Правда», 9 мая 1964 года.

Что было верно для древних греков, в равной степени справедливо для современных европейцев. Для достижения процветания народ должен сосредоточить усилия в собственной стране. Изучение сколько-нибудь продолжительного периода в истории убеждает в справедливости сказанного. Испания, Франция и Англия — все они ослабели, утратили жизненные силы и истощили себя в напрасных колониальных предприятиях. Континенты, порожденные Испанией и Англией, созданные ими, шаг за шагом ныне приобрели полную независимость и проводят эгоистическую политику. При всем этом — они искусственные миры, не имеющие ни собственной души, ни культуры, ни цивилизации. С этой точки зрения они всего лишь наросты.

Конечно, можно претендовать на успех в освоении прежде безлюдных континентов. Соединенные Штаты и Австралия — хорошие тому примеры. Успех несомненен, но он носит только материальный характер. Это искусственные постройки, тела без возраста, о которых невозможно сказать, находятся ли они в детстве или их уже коснулась старческая дряхлость. Что касается уже населенных континентов, то неудача еще более очевидна. Здесь белая раса навязывала свою волю силой, и ее влияние на коренных жителей ничтожно: индусы остались индусами, китайцы остались китайцами, а мусульмане все еще мусульмане. Здесь не произошло глубоких изменений, а существующие изменения наименее всего заметны в религиозной сфере, хотя именно в этом отношении христианские миссионеры приложили громадные усилия. Случаев обращения в христианство было очень мало, а искренность обращенных вызывает серьезное сомнение, за исключением, возможно, тех случаев, когда речь шла о простаках или умственно неполноценных людях. Белые расы, конечно, подарили кое-что туземцам, но самое плохое, именно то, что оскверняет наш собственный современный мир: материализм, фанатизм, алкоголизм и сифилис. Что касается остального, то, поскольку эти народы имеют собственные качества, превосходящие все то, что мы могли им предложить, они в общем не изменились. Когда же делались попытки навязать что-то силой, результаты оказывались еще более катастрофичными, и простой здравый смысл, осознание бесполезности этих попыток, должен предотвратить повторение этой практики. За колонизаторами следует признать один-единственный успех: везде они преуспели в возбуждении ненависти, ненависти, которая уродует эти народы, пробужденные от сна нами, и толкает их на то, чтобы подняться и вышвырнуть нас вон. Больше того, создается впечатление, что они проснулись лишь для этой цели! Может кто-нибудь утверждать, что колонизация увеличила число христиан в мире? Где эти массовые обращения, отметившие успех ислама? То там, то здесь можно обнаружить изолированный островок христиан, христиан скорее по названию, а не по убеждениям.

Рассмотрев все факторы, нельзя не прийти к выводу, что европейская политика колонизации окончилась полным провалом. Я не забыл одного случая кажущегося успеха, однако это только материальный успех, и об этом чудовище, которое называет себя Соединенными Штатами, мне бы хотелось поговорить. Единственное возможное название для них — чудовище! В то время, когда вся Европа — их собственная мать — отчаянно борется, чтобы отбросить большевистскую угрозу, Соединенные Штаты под руководством находящегося под контролем евреев Рузвельта не нашли ничего лучшего, как предоставить их сказочные материальные ресурсы в распоряжение этих азиатских варваров, которые преисполнены решимости удушить их. Думая о прошлом, я преисполняюсь глубокой печали при мысли о миллионах немцев, людей доброй воли, которые эмигрировали в Соединенные Штаты и сейчас вяляются их спинным хребтом. Заметьте, что эти люди не просто хорошие немцы, потерянные для своей страны, скорее, они стали врагами, более непреклонными, чем другие. Несомненно, немец-иммигрант сохраняет свои качества прилежного и хорошего работника, но он быстро утрачивает свою душу. Нет ничего более неестественного, чем немец, ставший изгнанником.

В будущем мы не должны допускать новых потерь немецкой крови. На Восток и только на Восток должен устремиться наш народ...

...Поскольку колонизация не является той деятельностью, к которой призвана Германия, Германия никогда не должна иметь ничего общего с колониальными странами и должна всегда воздерживаться от поддержки их колониальных устремлений. Нам нужна доктрина Монро для Европы: «Европа для европейцев!». Следствием этой

доктрины должно быть воздержание европейцев от вмешательства в дела других континентов.

Потомки преступников в Австралии должны вызывать у нас лишь чувство величайшего безразличия. Если они недостаточно жизнеспособны, чтобы увеличивать прирост населения в соответствии с размерами занятой ими территории, это их забота, и им бесполезно искать помощи у нас. Со своей стороны, я вовсе не возражаю, чтобы избыточное население плодовой Азии устремилось, как к магниту, на их свободные земли. Пусть они сами разработают методы собственного спасения! И я хочу повторить: это не наше дело».

Через неделю, 14 февраля, Гитлер вновь вступил в противоречие сам с собой. Он откровенно сожалел о том, что Германия, для которой «колонизация не является необходимой деятельностью» (как он говорил 7 февраля), не сумела овладеть французскими колониями. Гитлер винит в этом «просчете» германских дипломатов, которые якобы помешали ему «освободить народы Ближнего Востока и Северной Африки». В действительности же для подобной колониальной авантюры у Германии просто не было ни сил, ни средств.

«Мы столь же глупо поступили с французскими колониями,— рассуждал Гитлер 14 февраля 1945 года.— Это также была работа наших великих умов с Вильгельм-штрассе! Дипломаты старой, классической выучки, солдаты режимов, канувших в прошлое, мелкие помещики — таковы были те, кто собирался помочь нам революционизировать Европу! И они заставили нас вести войну так, как они вели бы ее в XIX веке. Никогда, любой ценой не следовало бы нам тратить средства на Францию и против народов, на которых лежало ее ярмо. Наоборот, мы должны были помочь им достичь свободы и, если бы понадобилось, подтолкнуть их к этому. Ничто не мешало нам поступить так в 1940 г. на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Вместо этого наши дипломаты приступили к укреплению власти Франции не только в Сирии, но и в Тунисе, Алжире и в Марокко. Наши «джентльмены», очевидно, предпочитали сохранить сердечные отношения с французским высшим светом вместо грубых революционеров; с опереточными офицерами, чье единственное желание было обмануть нас, чем с арабами, которые были бы для нас лояльными союзниками. О! Не думайте, что я не вижу замыслов этих профессионалов-маккиавелистов! Они знают свое дело и имеют свои традиции! Они хлопотали лишь о своей грязной игре в отношении англичан, ибо все еще были ослеплены известным, но мнимым антагонизмом между Англией и Францией в колониальной сфере. Все, что я говорю, совершенно верно, они все еще живут в веке Вильгельма II, в мире королевы Виктории и ловких шулеров Пуанкаре и Делькассе! В действительности такое соперничество давно перестало иметь какое-либо значение. Тот факт, что оно, по-видимому, существует, лишь доказывает, что в рядах наших врагов также имеются дипломаты старой школы. В самом деле, Британия и Франция являются соучастниками, каждый из которых довольно грубо играет свою роль, но ни один из этих двух партнеров не реагирует на призывы к дружбе, однако оба объединяются против общей опасности. Затаенная ненависть французов к немцам — нечто более глубокое и объясняется иными причинами. Вот урок для нас, вот о чем нам следует поразмыслить в будущем».

На следующий день, 15 февраля, Гитлер высказывал уже сожаление о том, что в 1940 г. Германия «не освободила французский пролетариат», Францию от колониального «бремени»: «Не освободив немедленно французский пролетариат в 1940 г., мы как не выполнили свой долг, так и пренебрегли собственными интересами. Это в равной степени правильно в отношении французских граждан на заморских территориях. Французский народ, конечно, не питал бы недовольства к нам, если бы мы освободили его от бремени империи. В этом отношении народ проявляет больше здравого смысла, чем вздорная элита, и народ инстинктивно и более правильно судит об истинных интересах страны. Как при Людовике XV, так и Жюле Ферри, народ восставал против абсурдных колониальных предприятий. Меня еще нужно убедить, что Наполеон якобы стал непопулярен из-за того, что он по дешевке уступил Луизиану. Однако поднялась волна беспрецедентного негодования, когда его недостойный внук пытался выправить дело, ведя войну в Мексике!»

И, наконец, 24 февраля 1945 г. Гитлер еще раз затронул колониальный вопрос. «Американские дела нас совершенно не касаются, и я был бы безразличен к ним, если

бы их позиция прямо не затрагивала нашу судьбу и судьбу Европы. Тот факт, что ни мы, ни они не проводим колониальной политики, — еще одно качество, которое должно объединять нас. Немцы никогда по-настоящему не имели империалистических вожделений. Я рассматриваю усилия, предпринятые в этом направлении в конце XIX века, как случайность в нашей истории. Наше поражение в 1918 г. имело по крайней мере те благоприятные последствия, что поставило точку на пути, на который Германия по-глупому дала увлечь себя под влиянием примера Франции и Англии, испытывая зависть к их успехам, но не понимая, что они были преходящи.

Достоинством третьего рейха является то, что мы не озираемся с тоской на прошлое, которое мы сами отбросили. Напротив, мы решительно и мужественно устремляем свои взоры к будущему, в направлении создания однородной, единой страны и проведения великой континентальной политики. Между прочим, эта политика целиком и полностью совпадает с американской политикой невмешательства в дела других континентов и запрещения другим вмешиваться в дела Нового Света.

Итак, если верить незадачливому фюреру, фашистская Германия никогда не стремилась к обладанию колониями и все ее помыслы были направлены на проведение одной лишь «континентальной политики». Однако утверждать так — значит не только извращать исторические факты, но и сознательно закрывать глаза на характер международных отношений в период между двумя мировыми войнами.

Известно, что одной из основных, главных причин англо-германских империалистических противоречий являлась борьба из-за колоний. Потерпев поражение в первой мировой войне, Германия лишилась своих колониальных владений, большей частью перешедших к Франции и Англии с ее доминионами. Разрабатывая планы новой мировой войны, германские империалисты хотели не только вернуть свои прежние колонии, но и приобрести новые. Поскольку Англия была крупнейшей колониальной империей, германские планы в этой части носили прежде всего антибританскую направленность.

Бредовые планы фашистского руководства, связанные с завоеванием германского мирового господства, включали в себя и сокрушение западноевропейских противников Германии — Англии и Франции. В отличие от начала XX в., когда Англия и Германия вели ожесточенную борьбу за захват колоний, рынков сбыта и источников сырья, за сферы приложения капитала, накануне второй мировой войны германский империализм не мог, конечно, рассчитывать на благоприятный исход непосредственной борьбы за передел колоний в Азии, Африке и других заморских территориях без разгрома его империалистических соперников и утверждения германской гегемонии.

Германские империалисты, развязавшие в сентябре 1939 г. вторую мировую войну, имели, как известно, тщательно разработанные планы нападения на отдельные европейские государства. Не менее тщательно гитлеровцы подготавливали проведение агрессивных акций и за пределами европейского континента. Придя к власти, фашисты, справедливо подчеркивает В. Т. Фомин, «первоначально вынуждены были временно, до восстановления военной и экономической мощи Германии, маскировать колониальные притязания германского империализма и в своей пропаганде делать главный упор на экспансионистские планы в отношении народов Восточной Европы и Советского Союза... В этот период гитлеровцы создали легенду о своей незаинтересованности в африканских колониях. В то же время они не прекращали подготовку к борьбе за передел мира»³².

По мере укрепления и увеличения военного потенциала фашистской Германии она стала все более настойчиво и откровенно выдвигать требования в отношении колоний. Во время переговоров Гитлера с Галифаксом в ноябре 1937 г. фюрер, например, заявил, что колониальный вопрос составляет предмет основного разногласия между Германией и Англией³³. Выступая 30 января 1939 г. в «Спортпаласе», Гитлер потребовал перераспределения колоний. Однако наиболее полно и подробно колониальные притязания германского империализма были изложены летом 1940 г.

³² В. Т. Фомин. Указ. соч., стр. 530.

³³ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. I. М. 1948, стр. 27, 33, а также «Нюрнбергский процесс». Т. I, стр. 371, т. II, стр. 406.

в «меморандуме» одного из активных деятелей фашистской партии, фон Корсванта³⁴.

В соответствии с основными положениями «меморандума» фон Корсванта Германия намеревалась захватить или поставить под свой контроль следующие территории в Африке: Сенегал, Французское Конго, французские владения на побережье Гвинейского залива, часть Бельгийского Конго, Южный Судан, все бывшие германские колонии. Южно-Африканский Союз гитлеровцы намеревались преобразовать в независимое от Англии бурское государство (разумеется, под протекторатом Германии). В Азии Германия претендовала на Голландскую Индию (Индонезию) и Новую Гвинею, Британское Борнео, острова Океании, Сингапур, часть Малайи и др.; на Ближнем и Среднем Востоке — на Палестину, Трансиорданию, Кувейт и Бахрейнские острова, Ирак; в Америке — на бывшие французские колонии и английские никелевые рудники в Канаде. Ряд европейских государств гитлеровцы намерены были превратить в свои колонии: в «меморандуме» речь шла о территориях Бельгии, Северо-Западной Франции, Югославии, Румынии с ее нефтяными богатствами и др.

На первых порах фашистская Германия великодушно соглашалась выделить небольшую долю предполагаемых колоссальных колониальных владений своим союзникам — Италии и франкистской Испании. Египет и Суэцкий канал должны были находиться под совместным протекторатом Италии и Германии. К Италии должны были перейти также северная часть английского Судана, Британское Сомали, Аден, Кипр, Мальта, Тунис, Джибути. Под контроль франкистской Испании предполагалось передать Гибралтар и Северное Марокко. Такие посулы давались в 1940 г. Италии и Испании для того, чтобы привлечь их к более активному участию в войне. «Меморандум» фон Корсванта показывает, что вопрос о перераспределении колониальных владений был одной из главных забот германских империалистов³⁵.

Следует отметить в связи с публикацией «завещания Гитлера» на Западе, что буржуазные историки ни единым словом не упоминают о тех, кто стоял за спиной Гитлера, чьи интересы он выражал, кому служила и на чьи средства была создана национал-социалистская партия. Нередко можно встретить утверждения, что фашизм был создан «демонической личностью Гитлера»³⁶. В тех редких случаях, когда некоторые буржуазные историки осмеливаются затронуть вопрос об отношениях и связях между нацистами и германскими монополиями, делают они это в весьма «оригинальной» форме. Так, лейбористский историк Г. Коул утверждает, что не гитлеровская банда осуществляла волю крупного капитала, а германские монополии стали орудием Гитлера³⁷.

Между тем германские монополии с первых шагов поддерживали и вскармливали фашистских убийц. Гитлер и вся гитлеровская клика выражали интересы и стремления крупнейших монополистов Германии — Круппов, Тиссенев, Сименсов, Шредеров, Кирдорфов и т. д., и без их согласия фюрер не принимал ни одного важного решения³⁸. «В этом разбойничьем, грабительском бизнесе второй мировой войны Гитлер играл роль главного исполнителя воли хозяев»³⁹ — монополистов, финансовых и промышленников магнатов, которые привели Гитлера к власти, — писал бывший гитлеровский генерал-фельдмаршал Паулюс. И как бы ни старались сегодня на Западе персонифицировать все кровавые, разбойничьи деяния германского империализма в период второй мировой войны в лице одного Гитлера, подобные попытки обречены на полный провал. Разоблачая реакционную историографию, прогрессивные историки разных стран показали, что дело в конечном счете не только и не столько в личности фашистского диктатора (не будь Гитлера, германские монополии подыскали бы другого испол-

³⁴ См. «Международная жизнь», 1961, № 2, стр. 154—158, а также В. Т. Фомин. Указ. соч., стр. 534—535. 20 мая 1940 г. генерал Йодль записал в своем дневнике: «Англичане в любой момент могут получить сепаратный мир после возвращения колоний». «К вопросу о подготовке фашистской Германии к войне против Советского Союза». «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 65.

³⁵ В. Т. Фомин. Указ. соч., стр. 535.

³⁶ F. Meineke. Die Deutsche Katastrophe. Wiesbaden. 1946, S. 89.

³⁷ G. Cole. Socialism and Fascism. London. 1960, p. 3.

³⁸ Д. Мартин. Братство бизнеса. «Почтенные все люди...». М. 1951, стр. 115.

³⁹ «Генерал-фельдмаршал Паулюс о брошюре Гальдера «Гитлер как полководец». «Военно-исторический журнал», 1962, № 5, стр. 98—100.

нителя своей воли). И если публично Гитлер не всегда и не до конца выбалтывал все об агрессивных планах германских империалистов, то в интимных беседах со своими приближенными он излагал эти планы в обнаженной и циничной форме. Тем важнее для нас познакомиться с «завещанием Гитлера», получить, так сказать, «из первых рук» еще одно подтверждение истинных намерений германских монополий в период второй мировой войны.

Сегодня в Западной Германии поднимает голову неофашизм, вынашиваются агрессивные планы в отношении социалистических стран, преследуются коммунисты. Все громче раздаются реваншистские, милитаристские вопли штраусов и зеебомов, призывающих к новому «походу на Восток», к «освобождению» немцев «восточной зоны оккупации Германии», то есть к прямой агрессии против суверенной Германской Демократической Республики, к восстановлению Германии в границах 1937 года. Все настойчивее становятся требования государственных и политических деятелей ФРГ предоставить Западной Германии доступ к атомному оружию, все более быстрыми темпами осуществляется милитаризация ФРГ.

В последнее время наиболее реакционные и агрессивные круги империалистических стран активно пропагандируют «духовное наследие» Гитлера. Представители этих кругов доказывают правоту фашистского диктатора, призывавшего к объединению усилий Запада в борьбе против СССР; обвиняют «недальновидных» руководителей западных стран в том, что они в годы войны пошли на создание антигитлеровской коалиции с участием большевиков вместо того, чтобы бороться вместе с Германией против СССР или хотя бы остаться в стороне от конфликта⁴⁰.

В книге «Потсдам, 1945 год», недавно вышедшей в ФРГ, один из ближайших сотрудников Геббельса, Гельмут Зюндерман, скорбит по поводу того, что война началась между Германией и Англией, а не Германией и Советским Союзом. Он упрекает Англию в том, что она не объединилась с гитлеровцами против СССР. Повторяя аргументацию Гитлера из «завещания», он пишет: «С разгромом германской империи пошатнулось и положение Англии»⁴¹. Но Зюндерман еще надеется, что в будущем удастся переиграть итоги второй мировой войны, перечеркнуть решения Потсдамской конференции 1945 года. Западногерманский историк Г. Бухгейт упрекает Гитлера, не сумевшего бросить в нужный момент все силы против СССР: «Если уж Гитлер хотел завоевать для немецкого народа новое жизненное пространство и одновременно ликвидировать большевизм как систему и мировоззрение, он должен был, во всяком случае, осознать, что ему не следовало в то же самое время вести войну против Англии и Франции»⁴².

Сегодняшние наследники Гитлера (имеющиеся не только в ФРГ) трогательно единодушны с ним в отношении целей западной политики. Так, отставной американский генерал А. Ведемейер пишет о событиях второй мировой войны и позиции США и Англии: «Если бы мы следовали политике, рекомендованной бывшим президентом Гувером, сенатором Тафтом и другими патриотическими американцами, мы бы, по-видимому, должны были остаться в стороне, пока наше вмешательство не смогло обеспечить справедливый и длительный мир, вместо того, чтобы оказывать безоговорочную помощь коммунистической России. И если бы после нашего вступления в войну Рузвельт и Черчилль не стремились к уничтожению Германии, что было бы равносильно ликвидации равновесия сил на континенте, мы, возможно, старались бы не зря... Вместо того, чтобы стремиться восстановить баланс сил в Европе, что было постоянной целью британской политики в течение более 700 лет, Черчилль искал уничтожения Германии и тем самым дал России возможность господствовать в Европе. Глупость Черчилля, игнорировавшего заветы его предков и давшего возможность своим стра-

⁴⁰ Американский друг боннских реваншистов Хогган в своей пресловутой книге «Вынужденная война» горько сожалеет об «ошибке» английских политических деятелей, «начавших ненужную войну» против гитлеровской Германии, вместо того, чтобы вместе с ней бороться против «самого ужасного врага, который когда-либо противостоял Великобритании на протяжении всей ее истории», то есть против СССР. D. L. Hoggan, *Der Erzwungene Krieg. Die Ursachen und Urheber des 2. Weltkrieges*. Tübingen, 1961, S. 791.

⁴¹ См. «Известия», 5 мая 1965 года.

⁴² G. Buchheit, *Hitler der Feldherr. Die Zerstörung einer Legende*. Raslaff, 1938, S. 50.

стям подавить рассудок, можно сравнить только с поведением Рузвельта, предавшего забвению рекомендации Джорджа Вашингтона своим потомкам в ведении иностранных дел»⁴³.

Налицо почти полное сходство аргументации в сочинении американского генерала и в «завещании Гитлера». Справедливости ради следует отметить, что Ведемейера нельзя упрекнуть в плагиате — его книга увидела свет в 1958 г., в то время как «завещание» было опубликовано годом позже. Духовным наследником Гитлера может быть с полным основанием признан также американский архиреакционер Б. Голдуотер, который, по словам М. Фертинга (ФРГ), так же авантюристичен во внешней политике, как и Гитлер, и который так же, как и последний, не считается с реальными фактами, с реальным соотношением сил на международной арене⁴⁴.

Особенно зловещую роль в попытках возродить военный потенциал германского империализма, вновь направить германскую агрессию на Восток, на этот раз с помощью американских империалистов, играют недобитые фашистские последыши. Известно, что в самые последние месяцы войны германский генеральный штаб вынашивал планы превращения нацистской партии после поражения Германии в подпольный аппарат с целью практического осуществления подготовки к третьей мировой войне⁴⁵. О том, что эти планы не остались на бумаге, свидетельствует следующий факт. В одной из послевоенных американских публикаций был предан гласности меморандум так называемого «Мадридского геополитического центра» — подпольной военно-нацистской группы, расположившейся после войны в Мадриде. В меморандуме этого центра, составленном в сентябре 1950 г., в частности, говорилось: «Будущие историки когда-нибудь расскажут о той великой прозорливости, с которой ответственные руководители третьего рейха уверенно и решительно проводили мероприятия, приведшие впоследствии к расколу единого фронта противника и снова сделавшие Германию весьма желанным партнером в любом новом политико-стратегическом союзе... Спустя пять лет после Потсдама янки глубоко увязли в трясине; они обращаются за советами к нашим генералам, которых они раньше называли военными преступниками, они просят нашей помощи в борьбе с Россией»⁴⁶. Фашистский заговор, недавно раскрытый в Швеции, свидетельствует о наличии еще одного тайного центра гитлеровцев, руководимого таким близким к фюреру человеком, как О. Скорцени⁴⁷.

В последние годы западногерманские реваншисты все более претендуют на первые роли в новой, на этот раз ядерной войне. Еще в сентябре 1956 г. Хойзингер, один из ближайших сподвижников Гитлера, почти дословно повторил аргументацию последнего о неизбежности «превентивной» войны против СССР с целью обороны Запада от «советской угрозы». «Западная оборона,— писал он 5 сентября 1956 г. в «Das Parlament»,— стоит перед задачей отразить нападение возможно раньше и возможно восточнее». Через два года он высказался еще более определенно: бундесвер «стоит перед задачей, которую мы однажды уже пережили в России»⁴⁸.

Пропаганда выдвинутого еще Геббельсом тезиса о «превентивном» характере войны фашистской Германии против СССР является одним из наиболее распространенных приемов западногерманской реакционной историографии, стремящейся реабилитировать германский империализм⁴⁹. Как мы видели выше, в «завещании Гитлера» этому тезису отводится центральное место в гитлеровской интерпретации причин нападения

⁴³ «Wedemeyer Reports». By A. Wedemeyer. New York. 1958, p. 3.

⁴⁴ См. М. Т. Ваертин. *Amerikas Weg zu Goldwater* (Keimzelle eines neuen Amerika). «Zeitschrift für Staatssoziologie». Freiburg/Breisgau. 1964, № 3.

⁴⁵ См. «Правда», 26 февраля 1945 года.

⁴⁶ Цит. по: Л. А. Безыменский. *Германские генералы с Гитлером и без него*. М. 1964, стр. 409—410.

⁴⁷ См. «Правда», 30 мая 1965 года.

⁴⁸ Цит. по: Л. А. Безыменский. Указ. соч., стр. 476—477.

⁴⁹ См., например, работу реваншистского историка ФРГ Х. Серафима. H. G. Seraphim. *Die deutsch-russischen Beziehungen 1939—1941*. «Cöttinger Beiträge zu Gegenwartsfragen, Völkerrecht, Internationale Politik». Hf. I. Hamburg. 1949. В 1955 г. в Бонне вышла книга бывшего гитлеровского генерал-фельдмаршала Кессельринга «Мысли о второй мировой войне», в которой он утверждает, что война гитлеровской Германии против СССР носила превентивный характер, поскольку Советский Союз намеревался якобы напасть на Германию в 1942 году (A. Kesselring. *Gedanken zum zweiten Weltkrieg*. Bonn. 1955, S. 106, 109, 110).

фашистской Германии на СССР. Лживость тезиса о «превентивной» войне Германии против СССР неоднократно разоблачали советская историография, прогрессивные историки других стран. Разоблачил эту ложь также один из крупнейших гитлеровских генералов, генерал-фельдмаршал Паулюс. Критикуя генерал-полковника Гальдера, автора брошюры «Гитлер как полководец», он писал, что «рассуждения Гальдера об опасности, постоянно исходящей с Востока, являются неправильными... не Восток угрожал Гитлеру и Германии, а Гитлер угрожал Востоку. Гальдер отмечает, что министр иностранных дел Советского Союза во время своего визита в Берлин в ноябре 1940 года отклонил предложение Гитлера поделить вместе с ним мир... Однако, несмотря на это, он утверждает, что все меры предосторожности, которые были предприняты Советским Союзом, исходя из вышеописанной обстановки, представляли собой угрозу для Германии. Так утверждать — это значит ставить факты с ног на голову, то есть любым путем стремиться доказать, что Гитлер якобы был вынужден начать «превентивную войну». «...Сегодня,— подчеркнул Паулюс еще в 1949 г.,— опять раздаются вопли об опасности, исходящей с Востока. Чего проще вновь вытянуть на свет аргументацию для оправдания превентивной войны. Результатом прошлой попытки явилось то, что Германия была превращена в развалины. Следующая попытка приведет к тому, что Германия будет стерта с лица земли»⁵⁰.

Боннским реваншистам можно напомнить слова, сказанные по этому поводу еще в прошлом столетии Бисмарком. «Я был,— подчеркивал он,— принципиальным противником превентивных войн, то есть таких наступательных войн, которые мы вели бы только на основании предположения, что впоследствии мы должны будем вынести войну с лучше подготовленным неприятелем»⁵¹.

В 1960 г. орган боннского генералитета «Wehrkunde» предавался далеко не невинным мечтам о том, что было бы, если бы Гитлер обладал атомной бомбой. «Англичане,— читаем мы в упомянутом журнале,— прижатые летом 1940 г. к Дюнкерку, едва ли смогли бы удрать за Ла-Манш, если бы немцы в то время сумели пустить в ход атомную бомбу... Ленинград, который в сентябре 1941 г. был окружен немецкими войсками, можно было бы в кратчайший срок ликвидировать при помощи атомных атак. То же самое можно было сделать и с Севастополем. Осенью 1941 г. при помощи атомных бомб можно было бы разделаться с «котлами» у Киева, Брянска и Вязьмы не за несколько недель, а за несколько часов. Это дало бы огромное преимущество для продолжения немецкого наступления. Было бы сэкономлено время, и тогда немецкие войска не попали бы в период грязи и последовавшие морозы. А сибирские дивизии не подоспели бы вовремя, если учесть, что имелись бы возможности атомизировать Москву как один из важнейших транспортных центров»⁵².

Так говорят и пишут сегодняшние наследники Гитлера — бывшие гитлеровские генералы, бывшие активные нацисты и неофашисты, реакционеры всех мастей, тайные и явные единомышленники Гитлера.

Двадцать лет прошло после разгрома фашизма и окончания второй мировой войны. И вновь германский империализм угрожает миру. Сегодня почти те же, кто командовал в фашистской Германии, стоят во главе наиболее реакционных, агрессивных и авантюристических кругов ФРГ. Эти круги, поддерживаемые монополиями США и Англии, все более задают тон во внутренней и внешней политике Западной Германии. Это к ним в первую очередь обращался в своем «завещании» Гитлер. И не случайно многое, очень многое из того, что говорят и пишут (и еще больше о чем не говорят и не пишут, но о чем мечтают сегодня западногерманские империалисты), почти буквально списано у Гитлера. Реваншисты широко пользуются «советами» и даже терминологией Гитлера в своих агрессивных внешнеполитических целях. В этом смысле «завещание Гитлера» является документом, который еще раз показывает, чего хотели вчера и о чем мечтают сегодня германские империалисты.

⁵⁰ «Генерал-фельдмаршал Паулюс о брошюре Гальдера «Гитлер как полководец». «Военно-исторический журнал», 1962, № 5, стр. 102—103.

⁵¹ О. Б и с м а р к. Мысли и воспоминания. Т. II. М. 1940, стр. 210.

⁵² «Wehrkunde», 1960, № 7, S. 331.